

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

ОН ПРОКЛЯЛ ВОЙНУ, А ПОГИБ ЗА РОССИЮ

К 175-летию художника Василия Верещагина

Нет в истории русской живописи художника, более непохожего на мирного живописца, напоминающего всей своей судьбой скорее солдата, исполнителя воинский долг, чем вдохновенного маэстро свободных искусств. Он и вышел из воинской среды, из сообщества офицеров флота, и, занявшись живописью, сохранил глубокую приверженность ко всему строю воинской жизни, прежде всего – к упорному достижению цели, что так свойственно именно военному человеку. Этого художника звали Василий Васильевич Верещагин.

Род Верещагиных – старинный дворянский род из вологодских мест. Древний Череповец – их родина. Вологодские дворяне всегда отличались особой приверженностью к монарху, к престолу. Это у них в крови. В своё время ещё царь Иоанн Грозный, намеревавшийся одно время перенести столицу России в Вологду, расселял здесь своих самых верных сторонников, от них и пошли вологодские дворяне, и Верещагины – из их числа. Отец Василия Васильевича был предводителем местного череповецкого дворянства, военная косточка, он и детей своих, а было у него четыре сына, определил с малолетства по военной линии. Василий Верещагин так же, как и старший брат его Николай, был с пяти лет (!) зачислен в знаменитый Морской корпус в Санкт-Петербурге. Конечно, отбыл он туда позже, но обычного деревенского детства, как у иных помещичьих детей, у него не случилось. Воинская муштра началась для него с восьмилетнего возраста.

Такая жизнь может сломать иного человека, более слабого, но сильного мальчика она сделает ещё более сильным, настойчивым в достижении цели. Этих качеств у Василия Верещагина хватало. Позже он признавался в своих воспоминаниях, что всегда стремился быть первым. В классе на учёбе, в воинском строю, в занятиях спортом, в морском деле. Морской корпус, созданный ещё Петром Великим, – учебное заведение особого сорта. Там не только исправных служак воспитывали, но и разносторонних, образованных людей, ведь военный флот России всегда был гордостью империи, он всегда был на виду у императорского двора, ведь и Кронштадт – столица российского флота – был главной крепостью державы.

И потому отличнику учёбы, гардемарину Верещагину светила престижная судьба. Вполне вероятно, что он мог закончить свою службу на адмиральском мостике какого-нибудь грозного броненосца... От судьбы не уйдёшь, именно

так и случилось впоследствии: в возрасте 61 года он был убит на адмиральском мостике флагманского броненосца “Петропавловск” в самом начале Русско-японской войны. Только адмиралом был не он, а его друг – прославленный Степан Осипович Макаров. Обоих поглотила морская пучина... Хотя рядом с Макаровым стоял не военный моряк, а свободный художник, признанный и в России, и в Европе, и в Америке, знаменитый создатель великой антивоенной картины “Апофеоз войны” Василий Верещагин. Так море, от которого он ушёл сразу после окончания Морского корпуса, забрало его себе навеки.

А весной 1860 года, когда первый по результатам испытаний выпускник Морского корпуса Верещагин вдруг подаёт в отставку, отказавшись от престижной карьеры, всё для него было смутно и неопределённо. Да, он давно уже занимался рисованием, и талант его уже был признан многими, но никаких особых отличий он в этом деле ещё не достиг. Он намеревался поступить в Императорскую Академию художеств, но путь это был зыбкий, не сулящий ни славы, ни материального благополучия. Другое дело – офицер флота Его Величества! Вот почему родственники Верещагина сочли его поступок признаком начинающегося безумия. Отец Василия Верещагина, несостоявшегося офицера флота, в ярости лишил своего сына материальной помощи. Теперь бывший блистательный гардемарин должен был слоняться по съёмным углам, подрабатывать уроками рисования, едва ли не малевать портреты за гроши. Нужда, бедность – вот обычная судьба художника, и эта судьба будет преследовать Верещагина до конца его дней. Он станет прославленным живописцем, а жить будет в долг, и когда трагически погибнет, то его вдове придётся продать все его картины, дом и мастерскую за долги. В Москве нет музея-мастерской Василия Верещагина, а ведь этот художник открыл новую страницу в русской, да, пожалуй, и в мировой живописи – он первым восстал против монстра войны, он из века XIX заглянул в век XX, когда война стала угрозой гибели для всего человечества.

Итак, Верещагин стремился уйти от армии, заняться классическим искусством, прекрасной живописью, а судьба всё возвращала и возвращала его к теме войны, и никуда от этого нельзя было спастись, сражаться с монстром войны ему придётся всю свою жизнь. Три года он провёл в стенах Академии художеств в Санкт-Петербурге, писал работы на классические темы из области древнегреческой и древнеримской истории, научился композиции и изучил анатомию человеческого тела. Героические позы, выпренные жесты, постановочные сцены – всё это наскучило ему, и он в сердцах даже уничтожает первую свою большую работу, за которую в стенах Академии был удостоен серебряной медали – “Улисс убивает женихов Пенелопы”. Всё это было не то, художника влекла реальная жизнь России, а прежде всего – яркость типов, незаурядные человеческие лица. Где всё это можно было найти? Конечно, на Востоке, на Кавказе и в Средней Азии, которая как раз в эти годы присоединялась к Российской империи. И художник отправляется на Восток – сначала на Кавказ, потом и в Туркестан.

Была у него попытка освоить европейскую школу живописи, он ездил в Париж, учился там в школе известного мастера Жана Жерома, но в Европе не было той энергетики, которую он нашёл на Востоке. Стремился ли он к экзотике Востока, к пышным костюмам, торжественным ритуалам, связанным с жизнью восточных владык? Да, и это было в его творчестве. Достаточно вспомнить его картины “Двери Тимура” или “Богатый киргизский охотник с соколом” – всё это картины начала 1870-х годов, времени его поездки в Восточный Туркестан и Западный Китай, там есть и пышность, и экзотика Востока, и особый дух древней цивилизации. Может быть, Верещагин и стал бы со временем художником-ориенталистом, специалистом по восточной экзотике, может быть – бытописателем нравов и сцен жизни азиатских народов, может быть... Но другая реальность захлестнула его с головой – война и страдания человеческие.

Так уж случилось, что в 1868 году он оказался в составе русской действующей армии, которая покоряла Бухарский эмират – самое крупное феодальное государство той поры на землях Средней Азии. Бухарский эмират держал в подчинении народы этого региона, вёл бесконечные войны со своими соседями – Кокандским и Хивинским ханством, власть эмиров жестоко эксплуатировала местные народы – таджиков и узбеков. Русская армия под предводительством генерала Кауфмана отбила у бухарцев древний Самарканд, когда-то

столицу империи Тимура, причём местное население выразило полную покорность российским властям, “белому царю” — так звали на Востоке российского императора. Армия Кауфмана ушла дальше, оставив в Самарканде небольшой гарнизон, остался вместе с ним и художник Верещагин, баталист, долженствующий запечатлеть в своих рисунках эпизоды восточной войны. И он оказался в самом пекле этой войны, так как на Самарканд, оставленный армией Кауфмана, напали войска бухарцев.

Ситуация была очень тяжёлая. Небольшой русский гарнизон, засевший в цитадели Самарканда, оборонялся от огромной, нестройной, но озлобленной армии воинствующих исламистов. По всему Самарканду неистово кричали муллы, призывая правоверных идти на бой с “неверными”. На кого-то эти вопли произвели впечатление, и дикие толпы фанатиков бросились на штурм цитадели. Тут пришлось взять оружие всем, в том числе и штатской живописцу Верещагину. Он вспомнил, что он ведь военный человек, морской офицер. Он взял вместо кисти револьвер и устремился в самое опасное место боя. Он так впоследствии описывал эти события: *“Массы неприятеля обложили крепость и через день пошли на штурм. Я, как услышал выстрелы и крики “Ура!” на стенах, так бросил недопитый чай (который получилось допить только через три дня), схватил револьвер и побежал в самое опасное место, где пробыл девять дней. Разумеется, ни один солдат, ни один офицер не работал столько. Я поспевал везде, на всех вылазках был впереди, несколько раз схватывался врукопашную, и только вовремя подоспевшие солдаты выручали от верной смерти, так как накидывалось на меня по несколько человек. Когда уставшие солдаты не двигались с места, я нагружал трупы на арбы. Когда трупы убитых людей и лошадей, гнившие под самыми стенами, грозили болезнями и буквалью отравляли воздух, почти никто даже из солдат не хотел притронуться к этим трупам, представлявшим какой-то кисель, — я втыкал штык и проталкивал мертвечину со стен. Около меня на второй день штурма было убито 40 человек, из которых некоторые залили кровью моё пальто. Я получил страшный удар камнем, которые сыпались на нас градом из-за саклей; крови вытекло немало, но я стыдился показать себя раненным камнем, как это делали некоторые офицеры. Кажется, мне приписали спасение нашей пушки, по крайней мере, офицеры тут же после битвы поздравляли меня с первым крестом, что мне было дико, так как всё это я делал для забавы”.*

Тут мы опять сталкиваемся с парадоксальной, непредсказуемой личностью Василия Верещагина, человека порывистого, иной раз нервного в своих реакциях. Положа руку на сердце, разве можно поверить, что человек воюет и проливает кровь своих врагов, сам рискует поминуть своей жизнью, и всё это он делает “для забавы”? Война — это забава? Тогда как же расценить картины Верещагина, написанные им по воспоминаниям этой среднеазиатской войны, где показано крайнее ожесточение схватки, все ужасы и преступления, что творятся на поле боя, и, наконец, “Апофеоз войны” (так называется его знаменитая картина) — груда человеческих черепов среди пустыни, настоящий курган смерти, воздвигнутый очередным завоевателем ради собственного мрачного тщеславия. Нет, всё понимал русский художник Василий Верещагин. Недаром посвящение к картине “Апофеоз войны”, начертанное им лично, звучит так: “Всем завоевателем — прошлого, настоящего и будущего”. Василий Верещагин проклял войну и завоевательные походы, запечатлев символ военного безумия — вот этот курган смерти. После него лишь только картина Пабло Пикассо — знаменитая “Герника” — сможет подняться до таких высот обобщения ужасов и безумия войны.

И вот в связи с этим возникает вопрос: а был ли художник Василий Васильевич Верещагин баталистом в полном смысле этого слова? Баталистом у нас принято называть художника, рисующего батальные сцены. Батальные сцены писал и Верещагин, он немало прошёл восточных дорог с нашими солдатами, сам воевал, как видим. У него есть очень точно запечатлённые сцены нападения мусульманских фанатиков на русский военный лагерь, сцены обороны нашими солдатами крепости и многое другое, но во всех картинах его есть какой-то особый подтекст, есть намёк на иные мотивы всего происходящего. Верещагину, как никому другому, удалось совместить на своих полотнах героизм и мужество русских солдат и отчаянный фанатизм исламистов. Героизму войны и её ужас и безысходность. Вот почему на его картинах так много трупов, иной раз даже целые поля трупов, как на полотнах времён

Русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Это полотно “Побеждённые”, где показано это ужасное поле трупов, обезображенных человеческих тел, как русских, так и турок, которых смерть примирила и соединила перед лицом вечности. И крохотная группка людей на краю этого поля смерти – русский военный и священник в рясе, творящий заупокойную молитву, махающий кадилом, отпевающий всех – без разбора вер и национальностей. Безумие, абсурдность войны невозможно выразить более сильно, чем это выражено на полотнах Верещагина.

Разумеется, многим и в те времена было понятно, что Верещагин – не просто баталист, он активный борец против войны, против любого насилия и убийства. И полотна его нравились отнюдь не всем представителям власти. Не понравились они и императору Александру II, посетившему выставку в Санкт-Петербурге весной 1874 года. Там была представлена вся “туркестанская серия” картин Верещагина, которая прежде с триумфом прошла по выставочным залам Европы. В Европе картины Верещагина вызвали бешеный ажиотаж. Европейский “цивилизованный” обыватель вдруг увидел совсем иной мир – мир сильных страстей, яркого солнца, крови и железа, мир ярких восточных красок и сильных чувств. В то время Азия, Туркестан, да и сама загадочная Россия казались европейцу чем-то очень далёким, какой-то восточной сказкой. А оказалось, что это не сказка, – это мир, где шла борьба не на жизнь, а на смерть, где героизм и мужество русских солдат столкнулись с отчаянным фанатизмом и жертвенностью ислама.

Иной была реакция петербургских венценосцев. И государю-императору, и наследнику престола картина не понравилась. Александр Александрович высказался о Верещагине так: *“Всегдашние его тенденциозности противны национальному самолюбию, и можно по ним заключить одно: либо Верещагин скотина, или совершенно помешанный человек”*. В отчаянии Верещагин уничтожает несколько своих самых острых картин. Сам-то он считает себя безусловным патриотом России, он с гордостью носит Георгиевский крест 4-й степени, полученный им за бои в Самарканде, хотя от других наград отказывается. Он никогда не подвергал сомнению свой русский патриотизм, что доказал впоследствии, отправившись на поля Русско-турецкой войны, сражаясь за свободу Болгарии. Он запечатлел сражение на знаменитой Шипке и победу русских войск под командованием знаменитого генерала Михаила Скобелева в картине “На Шипке всё спокойно”. Все эти сражения он наблюдал не со стороны, он сам был участником боёв. Это была его принципиальная позиция – быть под огнём, рисовать там же. *“Выполнить цель, которой я задался, дать обществу картину настоящей, неподдельной войны нельзя, глядя на сражение в бинокль из прекрасного далека, а нужно самому всё прочувствовать и проделать, участвовать в атаках, штурмах, победах, поражениях, испытать голод, болезни, раны. Нужно не бояться жертвовать своей кровью, своим мясом, иначе картины мои будут не то”*.

Таков был этот художник, которого обвиняли и в непатриотизме, и в тенденциозности, а он, будучи храбрым русским патриотом, был ещё и философом человечности. Он, прославляя русское оружие, вместе с тем не мог не показать бессмысленность войны, абсурдность всего происходящего, вроде того кургана из человеческих черепов... Полотно Верещагина – это урок всему человечеству, его призыв быть людьми, а не озверелыми фанатиками. Разве это не крайне актуально сейчас, в наши дни?

Свой патриотизм Верещагин доказывал не только на полях сражений, а всем своим творчеством. Его последний крупный цикл работ, выполненный им в Москве, в своей мастерской в Нижних Котлах, в 90-е годы XIX века посвящён нашествию Наполеона на Россию в 1812 году. Василий Васильевич словно предвидел, что он не доживёт до 100-летнего юбилея тех событий в 1912 году, и писал цикл полотен о нашествии заранее, будто собираясь утвердить мысль в обществе, что главная тема его творчества – судьба России, которая часто перелеталась с кровопролитными войнами. И здесь тема патриотизма побеждает у Верещагина тему бессмысленности войны. Да, война – зло, говорит художник, но война за Отечество – это священное деяние, гордиться которым должно и нужно.

Особенно сильны в этой серии полотна, где отражался свободолюбивый дух русского народа. Верещагин писал и русских партизан, нападающих на захватчиков, и расстрел русских людей оккупантами в Москве. Видимо, соответствующие сцены из эпопеи Льва Толстого “Война и мир” явились для него

материалом к размышлению. И бегство армии Наполеона из России, где по заснеженной, красивой зимней русской дороге катится колонна чуждых России людей во главе с их предводителем Наполеоном, словно сама русская зима изгоняет врага прочь. Цикл этих работ был приобретён русским императорским правительством у вдовы художника уже после его смерти.

Василий Васильевич Верещагин был живой, непоседливый человек. Весь мир был его мастерская, или, как выразился поэт Николай Гумилёв о себе, но его слова можно приложить и к Верещагину: *“Любил он ветер с юга, в каждом шуме слышал звуки лир, говорил, что жизнь – его подруга, коврик под его ногами – мир...”*. В каких только странах не побывал Василий Васильевич: Европа, Америка носили его на руках. (Хотя, что уж греха таить, в Америке один ловкий устроитель его выставок обокрал художника, присвоив его картины.) Он выставлялся и в Хрустальном дворце в Лондоне, и в галереях Вены, возил выставку своих картин по Соединённым Штатам Америки, писал там в Белом доме портрет президента США Теодора Рузвельта. А затем он ехал на Восток, в Индию, и срисовывал там с природы знаменитый мавзолей Тадж-Махал, забирался в Тибет, едва не погиб там, заблудившись в горах. Его не оставляла мысль о страданиях человечества, о насилии, господствующем в мире, о несправедливости, царящей в человеческом обществе. И потому главная его работа, написанная им под впечатлением от поездки в Индию – это знаменитое полотно “*Подавление индийского восстания англичанами*” (1884). Англичане привязали к дулам пушек индийских крестьян и приготовились палить... В таких случаях тело человека бывает разорвано в куски. Нет, не забывал Василий Верещагин о предназначении художника – бороться с мировым злом, даже если это зло скрывается под личиной “цивизованности”.

Вот и на последнюю свою войну Василий Верещагин поехал именно с этой целью – ещё раз вступить в сражение со злом. Русско-японская война разразилась в начале 1904 года, и началась она с вероломного нападения японских миноносцев на Порт-Артур. Были повреждены многие русские корабли. Восстанавливать флот и нанести поражение японцам отправился на Дальний Восток прославленный адмирал Степан Осипович Макаров, близкий друг Верещагина. Сам художник поспешил за ним. Ему уже шёл 62-й год, дома, в Нижних Котлах, осталась жена и трое детей. В таком возрасте лучше сидеть дома, а не рисковать жизнью, но для него это была уже третья большая война, и он как патриот не мог остаться дома. По протекции Макарова он был официально причислен к штабу флота как штабной офицер, а это давало хоть небольшое, но жалованье. В последние годы семья художника сильно нуждалась, ведь его картины не покупались царским правительством в силу известных обвинений в “тенденциозности”.

В Порт-Артуре Верещагин, исполняя должность офицера, прикомандированного к командующему флотом, должен был выходить в море вместе со своим начальником, да он и сам стремился быть там, на мостике флагманского корабля: оттуда легко было зарисовывать силуэты наших и вражеских кораблей. Дело шло к большому морскому сражению, адмирал Макаров усиленно готовил флот к нему, часто выходил в море. Утром 13 апреля (по новому стилю) большое соединение русских кораблей вышло из гавани Порт-Артура для решающего боя. Командующий флотом адмирал Макаров находился на мостике флагманского броненосца “Петропавловск”. Рядом с ним был его офицер и друг, художник Верещагин. Появились японские корабли, но, увидев грозный строй русских броненосцев, начали спешно отступать. Макаров решил, что дело тут не чисто, что японцы заманивают русский флот в какую-то ловушку, и, в свою очередь, стал отходить к внешней гавани Порт-Артура, но ловушка уже успела захлопнуться – в 9 часов 35 минут утра флагманский броненосец “Петропавловск” подорвался на связке плавучих мин (по официальной версии). Взрыв был чудовищной силы. По свидетельству очевидцев, броненосец буквально был расколот пополам и за 2 минуты ушёл на дно.

Один из матросов “Петропавловска” видел, как взрывной волной адмирала Макарова и художника Верещагина буквально снесло с мостика, и они оказались за бортом. Броненосец сразу погрузился в пучину моря, и многие трупы засосала огромная воронка. Тела Макарова и Верещагина так и не нашли. Вместе с ними погибло до 600 человек русских моряков...

Так война, с которой всю жизнь боролся Василий Верещагин, убила русского художника. Но дух его картин, призывающий мир к человечности, к отвержению насилия и зла – это и есть лучший памятник ему. Русскому патриоту и миротворцу Василию Васильевичу Верещагину.